

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
20 July 2020
Russian
Original: English

Семьдесят пятая сессия

Пункт 72 а) предварительной повестки дня*

Поощрение и защита прав человека:

осуществление документов по правам человека

Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания

Записка Генерального секретаря

Генеральный секретарь имеет честь препроводить членам Генеральной Ассамблеи промежуточный доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Нильса Мельцера, представленный во исполнение резолюции [72/163](#) Ассамблеи.

* [A/75/150](#).

**Промежуточный доклад Специального докладчика
по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видах обращения
и наказания, Нильс Мельцер**

**Биопсихосоциальные факторы, способствующие применению
пытк и жестокому обращению**

Резюме

В настоящем докладе Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Нильс Мельцер изучает коренные причины нынешней глобальной самоуспокоенности в отношении пыток и жестокого обращения, исходя из подробно описанных биопсихосоциальных моделей самообмана и отрицания, и рекомендует срочно и в инициативном порядке учесть его научно обоснованные выводы в рамках текущих процессов стратегического реформирования глобального управления, включая реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

I. Несоответствие между запретом на применение пыток и жестокого обращения и их распространенностью во всем мире

1. Сегодня, спустя 75 лет после окончания Второй мировой войны и создания Организации Объединенных Наций, едва ли какая-либо норма международного права пользуется таким же консенсусом и авторитетом, как запрет на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Этот запрет повсеместно признан как абсолютный и не допускающий отступлений. Он защищает всех людей без дискриминации и во всех без исключения ситуациях, его нельзя ограничивать даже во время войны и в других ситуациях чрезвычайного положения в государстве, а любые противоречащие ему законодательные, административные или судебные акты по своей природе являются незаконными. Государства должны предотвращать пытки и жестокое обращение на всей территории своей юрисдикции, они не могут передавать кого бы то ни было в другую юрисдикцию, где эти лица могут подвергаться пыткам или жестокому обращению, и они не могут использовать какую бы то ни было информацию, полученную в результате такого злоупотребления. В уголовном праве нарушения запрета на пытки и жестокое обращение неизменно фигурируют в числе наиболее тяжких преступлений, включая военные преступления и преступления против человечности, и должны расследоваться и преследоваться по закону в рамках универсальной юрисдикции.

2. В демократических обществах, основанных на верховенстве права и разделении властей, любая практика пыток или жестокого обращения должна предотвращаться или пресекаться посредством оперативного и эффективного судебного или дисциплинарного надзора под критическим наблюдением информированной общественности, наделенной правами и возможностями с помощью свободной и независимой прессы. Это ожидание основано на предполагаемом присутствии в государственных учреждениях, средствах массовой информации и среди широкой общественности подавляющего большинства «активных свидетелей», которые будут обеспечивать надзор и подотчетность посредством рационального принятия решений, руководствуясь законом, нравственностью и общественными интересами.

3. Однако на практике институциональные, процедурные и демократические гарантии обычно оказываются гораздо менее эффективными, чем ожидалось. Хотя пытки и жестокое обращение по-прежнему широко распространены во всех регионах мира (см. [A/73/207](#)), расследования таких злоупотреблений и судебное преследование в связи с ними по-прежнему проводятся сравнительно редко. Даже перед лицом убедительных доказательств дисциплинарные или судебные санкции, как правило, носят исключительный характер, интерес средств массовой информации слаб или недолговечен, а общественное самоуспокоение широко распространено не только при авторитарных режимах, но и в либерально-демократических странах. В зависимости от контекста может существовать молчаливое согласие в отношении целого ряда таких злоупотреблений, начиная с предполагаемых военных преступлений, жестокости полиции, допросов с принуждением и карательного жестокого обращения и заканчивая сдерживающими, дискриминационными или преследовательскими мерами, принимаемыми в отношении диссидентов, мигрантов и маргинализированных общин, или в отношении различных форм коррупции, экономической эксплуатации и насилия в семье.

4. Эта оценка согласуется с замечаниями, сделанными Специальным докладчиком по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих

достоинство видах обращения и наказания Нильсом Мельцером при осуществлении им своего мандата. В ходе своих тематических исследований, поездок в страны и индивидуального обмена сообщениями Специальный докладчик последовательно обнаруживал, что: а) во всех государствах в той или иной степени отмечается недостаточная транспарентность и подотчетность правительств; б) эти недостатки подрывают эффективность деятельности по предупреждению, расследованию, судебному преследованию и возмещению ущерба в связи с пытками и жестоким обращением; и с) во всех регионах мира широко распространена общественная и институциональная самоуспокоенность в отношении секретности и безнаказанности государственных органов и связанных с этим рисков и распространенности пыток и жестокого обращения.

5. Стремясь лучше понять коренные причины повсеместной неспособности нынешних систем управления искоренить пытки и жестокое обращение, Специальный докладчик провел обширные междисциплинарные исследования и консультации с заинтересованными сторонами, в том числе посредством открытого призыва к представлению материалов на основе вопросника¹. В настоящем докладе, в котором отражены его выводы и рекомендации, Специальный докладчик:

а) описывает преобладающие биологические, психологические и социально-экологические («биопсихосоциальные») факторы, определяющие принятие решений человеком;

б) выявляет документально зафиксированные формы индивидуального и коллективного самообмана и отрицания, которые способствуют нынешнему глобальному самоуспокоению в отношении пыток и жестокого обращения;

с) демонстрирует, что любая система глобального управления, направленная на полную реализацию Устава Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларации прав человека, должна основываться на эмпирической, научно обоснованной концепции поведения человека, лишенной морального идеализма или осуждения, и создавать нормативные и институциональные рамки, специально предназначенные для преодоления растущих экзистенциальных рисков, возникающих в результате причинения человеком вреда самому себе;

д) рекомендует срочно и в инициативном порядке включить эти научно обоснованные выводы в текущие процессы стратегического реформирования управления на национальном и международном уровнях, включая, в первую очередь, реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

II. Научно обоснованные аспекты принятия решений человеком

A. Традиционные исходные посылки

6. На протяжении всей истории человечества вопрос о природе человека широко обсуждался, в том числе философами, теологами, правоведами, антропологами, психологами, учеными и врачами. В ходе этих обсуждений доминировал нравственный вопрос о том, является ли природа человека по своей сути «хорошей» или «плохой», а также эмпирический вопрос о том, чем определяется принятие человеком решений — в первую очередь разумом, нравственностью,

¹ См. www.ohchr.org/EN/Issues/Torture/SRTorture/Pages/CallGA75.aspx.

эмоциями или инстинктом. Вдохновленные научными и философскими теориями эпохи Просвещения XVIII века современная государственность, политическая теория и системы управления базируются на трех фундаментальных столпах, а именно: а) верховенство права и индивидуальные права и свободы; б) разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную; и с) презумпция рационального принятия решений на основе врожденных или усвоенных моральных принципов².

В. Противоположные эмпирические выводы

7. Однако в отличие от традиционных предположений о рациональности и нравственности современная наука продемонстрировала, что в действительности человек при принятии решений руководствуется преимущественно бессознательными эмоциональными процессами, направленными на удовлетворение базовых человеческих потребностей.

1. Рациональность против эмоциональности

8. Несмотря на то, что люди наделены разумом, большинство человеческих решений по-прежнему де-факто определяются в первую очередь эмоциональными импульсами. Это относится и к сложным коллективным процессам принятия решений, которые необходимы для обеспечения целостности и эффективности конституционных институтов и процедур, таких как политические выборы и назначения, судебный и административный надзор и освещение в независимых средствах массовой информации³.

2. Сознательное против бессознательного

9. Основная часть человеческих мыслительных процессов происходит вне сознательного понимания, а обработка человеком информации часто служит для рационализации импульсивных решений постфактум. Научные исследования в сфере нейробиологии, направленные на изучение мыслительных процессов в разбивке по миллисекундам, показали, что эмоции вступают в процесс принятия решений гораздо раньше сознательного мышления, а последующее логическое рассуждение стремится рационализировать рефлексивные эмоциональные решения в соответствии с доминирующими социальными ожиданиями, определяемыми обычаями, законом и моралью⁴.

3. Нравственность против эгоистических интересов

10. При благоприятных обстоятельствах поведение человека может основываться на нравственности, сопереживании и доверии. Однако в ситуациях

² Nayef Al-Rodhan, *Emotional Amoral Egoism: A Neurophilosophical Theory of Human Nature and its Universal Security Implications* (Berlin, LIT Verlag, 2008).

³ Adam Lockyer and Peter Hatemi, "Genetics and politics: a review for the social scientist", in *The Oxford Handbook of Evolution, Biology, and Society*, Rosemary Hopcroft, ed. (New York, Oxford University Press, 2018), pp. 281–304; Charles Taber and Milton Lodge, "Illusion of choice in democratic politics: unconscious impact of motivated political reasoning", *Political Psychology*, vol. 37, No. 1 (February 2016), pp. 61–85; David Redlawsk, ed., *The Oxford Encyclopedia of Political Decision Making* (Oxford University Press, 2020).

⁴ Inna Burdein, Milton Lodge and Charles Taber, "Experiments on the automaticity of political beliefs and attitudes", *Political Psychology*, vol. 27, No. 3 (June 2006), pp. 359–371; John Jost and others, "Political neuroscience: the beginning of a beautiful friendship", *Political Psychology*, vol. 35, No. 1 (February 2014), pp. 3–42; Efrén Pérez and Isaac Riddle, "Automaticity in political decision making", in *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, William Thompson, ed. (Oxford University Press, 2020).

реальной или предполагаемой опасности, конфликта или тревоги при принятии индивидуальных и коллективных решений, как правило, преобладают предполагаемые краткосрочные эгоистические интересы, а возникающие в результате этого моральные дилеммы подавляются с помощью стратегий «морального отстранения», включающих отрицание фактов, отрицание ответственности или отрицание неправомерности того или иного действия⁵.

III. Объективные составляющие «эгоистических интересов»

11. Для того чтобы понять, каким образом принятие эгоистических решений может способствовать пыткам и жестокому обращению, понятие «эгоистические интересы» должно пониматься в строго объективном, неосуждающем смысле, лишенном нравственных коннотаций. То, что воспринимается как «эгоистический интерес» в той или иной ситуации, определяется сложным взаимодействием биопсихосоциальных факторов, которые могут быть такими же обобщенными, как биологические инстинкты, такими же доминирующими, как национальная, религиозная или культурная идентичность, и такими же разнообразными, как индивидуальное воспитание и опыт. С концептуальной точки зрения «эгоистические интересы» всегда включают в себя идентификационный компонент, определяющий, кто или что входит в воображаемое «эго», и направленный компонент, определяющий «интересы», которые преследуются от имени этого «эго».

A. Индивидуальное и коллективное самоотождествление

12. Ощущение человеком своего «я» во многом определяется субъективно воспринимаемым самоотождествлением. Самоотождествление многогранно, поскольку оно состоит из множества пересекающихся пластов самоидентификации, которые могут быть связаны с такими индивидуальными факторами, как личный опыт и предпочтения, а также с принадлежностью к коллективу по признаку национальности, семьи, языка, культуры, религии, расы, этнического происхождения, гендерной принадлежности, сексуальной ориентации, инвалидности или любого другого фактора, основанного на принадлежности к той или иной группе. Субъективно воспринимаемое самоотождествление, особенно в сочетании с подсознательными инстинктами и импульсами, может быть одним из самых мощных мотивов для принятия решений. По сути, люди готовы работать, жить, страдать и часто даже умирать ради людей, групп, ценностей и предметов, с которыми они себя идентифицируют, будь то их физическое тело, политические убеждения, статус, репутация и имущество или же их семья, община, нация или религия. Возможно, даже эмпатия и альтруистические действия могут восприниматься как укорененные в отождествлении с потребностями и эмоциями другого человека. Сознание принадлежности к той или иной группе особенно сильно как объединяющий, но также и как потенциально дискриминационный фактор⁶.

⁵ Dean Mobbs and others, "The ecology of human fear: survival optimization and the nervous system", *Frontiers in Neuroscience*, vol. 9, No. 55 (2015), pp. 1–22; Carol Gordon and Arian Asher, "Threat and decision making", *Journal of Conflict Resolution*, vol. 45, No. 2 (April 2001), pp. 196–215.

⁶ Rupert Brown and Samuel Gaertner, eds., *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes* (Blackwell, 2008).

13. Каждый человек создает и поддерживает многочисленные параллельные и последовательные аспекты индивидуальности, определяющие его роль, ориентацию, интересы и склонности в его природной и социальной среде. В то время как некоторые аспекты индивидуальности могут быть мимолетными и недолговечными, другие имеют глубокие корни и, как правило, сохраняются в течение всей жизни. Самоотождествление, в той мере, в какой оно ментально воспринимается, не обязательно является постоянным, а может быть подвержено влиянию или изменению, расширяться или сужаться, подчеркиваться или подавляться, игнорироваться или быть объектом манипуляций и восприниматься в различные моменты времени как более или менее доминирующая индивидуальная принадлежность, а также как почетная или обесцениваемая принадлежность в социальном смысле.

14. Чем большее значение придается определенному аспекту индивидуальности, тем сильнее, как правило, ее связь с воображаемым «я» и тем агрессивнее защита или преследование соответствующих субъективно воспринимаемых интересов. Например, исторические преувеличения касательно определенной этнической, расовой или культурной принадлежности породили структурный расизм, насилие со стороны поселенцев и колонизаторов и дискриминацию огромных масштабов. Даже в тех случаях, когда различные этнические группы мирно сосуществуют в той или иной стране в течение нескольких поколений, не придавая практически никакого значения своей этнической индивидуальности в повседневном общении, политические идеи, подчеркивающие их различия и связывающие их с противоборствующими групповыми интересами, могут вызвать основанное на страхе преувеличение этнической индивидуальности, в конечном итоге перерастающее в этническую напряженность и насилие или даже геноцид: в числе наиболее печально известных примеров можно привести Холокост во время Второй мировой войны и геноциды в Руанде в 1994 году и в бывшей Югославии в 1992–1995 годах.

15. Важно, что в рамках динамики, способствующей применению пыток и жестокого обращения во всем мире, благодаря сознательному акцентированию любой ранее не проявлявшийся или игнорируемый аспект идентичности может легко стать одним из доминирующих критериев для определения того, кто или что входит или, что не менее важно, исключается из воспринимаемого индивидуального или коллективного «я», интересы которого необходимо защищать или преследовать.

В. Системное оправдание

16. Помимо физического тела и психологического самоотождествления, человеческие «эгоистические интересы» также связаны с системной средой, которая воспринимается как существенно необходимая для выживания, безопасности и стабильности личности. Таким образом, преобладающий импульс человека в ответ на «системные угрозы», ставящие под угрозу существование, надежность или авторитет систем социальной, экономической и политической поддержки, заключается в принятии бессознательных, эмоционально заряженных стратегий обороны и отрицания, известных как «системное оправдание». На практике в значительной степени неосознанная тенденция людей не ставить под сомнение системы, от которых они зависят, может быть очень убедительной и может склонять должностных лиц, журналистов и простых граждан к игнорированию,

попустительству, защите или сговору в отношении явно неправомерных действий, включая пытки и жестокое обращение или даже массовые злодеяния⁷.

17. Несмотря на свою пагубность для прав человека и верховенства права, системное оправдание само по себе не является отклонением, а представляет собой подробно описанную в литературе общечеловеческую тенденцию, которая весьма часто встречается и широко распространена во всех культурах и сегментах общества. Соответственно, как отмечается в настоящем докладе, в рамках общих процессов бюрократии, безразличия и самообмана, метко называемых «банальность зла», системное соучастие в пытках, убийствах или даже геноциде может подавлять и часто подавляет сознательное понимание, даже несмотря на убедительные доказательства, тем самым устраняя конституционные сдержки и противовесы и обеспечивая соучастие средств массовой информации и широкой общественности, находящихся в состоянии умышленного неведения и мотивированного отрицания⁸.

С. Основные выражения эгоистических интересов

18. Независимо от сознательного умысла и целенаправленности того или иного акта пыток или жестокого обращения лежащие в его основе эмоциональные мотивы отдачи приказа, подстрекательства или совершения таких надругательств, а также поддержки, согласия или попустительства свидетелей почти всегда отражают стремление к удовлетворению базовых психологических потребностей посредством одной или нескольких соответствующих мотиваций: а) самосохранение (потребность в безопасности и стабильности); б) самоопределение (потребность в контроле и автономии); в) самоутверждение (потребность в самоуважении, достоинстве и индивидуальности); г) самооправдание (потребность в справедливости); и е) удовлетворение личных стремлений (потребность в вознаграждении и стимулировании).

19. При благоприятных обстоятельствах естественное выражение таких основных человеческих потребностей и стремлений помогает обеспечить позитивное социальное взаимодействие, основанное на взаимном уважении и сопереживании. Однако когда индивидуальное или коллективное восприятие реальности искажается из-за чрезмерного страха, травмы, патологической

⁷ John Jost and Orsolya Hunyady, "Antecedents and consequences of system-justifying ideologies", *Current Directions in Psychological Science*, vol. 14, No. 5 (October 2005), pp. 260–265; John Jost, Chadly Stern and Joanna Sterling, "Ethos of conflict: a system justification perspective", in *The Social Psychology of Intractable Conflict: Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal, Vol. 1*, Peace Psychology Book Series, vol. 27, Eran Halperin and Keren Sharvit, eds. (Springer International Publishing, 2015), pp. 47–59; Ben Kiernan, "Cover-up and denial of genocide: Australia, the USA, East Timor, and the Aborigines", *Critical Asian Studies*, vol. 34, No. 2 (2002), pp. 163–192; Claudia Koonz, *The Nazi Conscience* (Belknap Press, 2003); Hannah Nam et al., "Amygdala structure and the tendency to regard the social system as legitimate and desirable", *Nature Human Behaviour*, vol. 2, No. 2 (February 2018), pp. 133–138.

⁸ Hannah Arendt, *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil* (Penguin Books, 1977); Gary Blasi and John Jost, "System justification theory and research: implications for law, legal advocacy, and social justice", *California Law Review*, vol. 94, No. 4 (July 2006), pp. 1,119–1,168; Furnham, Adrian, "Belief in a just world: research progress over the past decade", *Personality and Individual Differences*, vol. 34, No. 5 (April 2003), pp. 795–817; Salvador Vargas-Salfate and others, "System justification enhances well-being: a longitudinal analysis of the palliative function of system justification in 18 countries", *British Journal of Social Psychology*, vol. 57, No. 3 (July 2018), pp. 567–590; Mikko Poutanen, "We do not torture": American exceptionalism in the context of torture", in *RePresenting Magic, UnDoing Evil: Of Human Inner Light and Darkness*, Alexandra Cheira, ed. (Brill, 2012), pp. 115–130.

дисфункции или эмоциональной незрелости, эти побуждения могут спровоцировать такое отношение и поведение, которое способствует серьезным нарушениям прав человека, в том числе пыткам и жестокому обращению.

1. Самосохранение

20. Базовое стремление к самосохранению связано с врожденной потребностью человека в безопасности и стабильности. Эта потребность вытекает непосредственно от биологических инстинктов выживания и вызывает предупреждающие или защитные реакции на любую реальную или предполагаемую опасность. В тех случаях, когда базовое стремление к самосохранению искажено из-за чрезмерного страха, патологической дисфункции или травмирующего переживания угрозы, враждебности и незащищенности, оно может спровоцировать агрессивные, разрушительные или несоразмерные действия, включая пытки и жестокое обращение, предпринимаемые из-за гипотетического предвидения или ошибочного восприятия угроз⁹.

2. Самоопределение

21. Базовое стремление к самоопределению относится к врожденной потребности людей в автономии и контроле над обстоятельствами своей жизни. Реальные или предполагаемые угрозы этой базовой потребности, как правило, приводят в действие те же самые инстинкты выживания, что и угрозы физической безопасности. Общими примерами коллективных усилий, мотивированных этим стремлением, являются борьба за национальное самоопределение, политическую и экономическую независимость или свободу от рабства и подневольного состояния. В тех случаях, когда стремление к самоопределению искажается из-за чрезмерного страха, патологической дисфункции или травмирующего опыта беспомощности, зависимости, эксплуатации и злоупотреблений, базовое стремление к самоопределению может спровоцировать компенсирующие усилия, направленные на то, чтобы добиться свободы и относительного контроля путем концентрации власти и господства над другими, в том числе посредством подчинения, запугивания, принуждения и дискриминации¹⁰.

3. Самоутверждение

22. Базовое стремление к самоутверждению связано с врожденной потребностью человека в самоуважении, достоинстве и самоотождествлении. Реальные или предполагаемые нарушения чувства человеческого достоинства переживаются как посягательство на самое сокровенное «я» и индивидуальность и поэтому могут спровоцировать те же самые инстинкты выживания, что и угрозы физической безопасности. Типичными примерами усилий, мотивированных стремлением к самоутверждению, являются усилия, направленные на

⁹ Daphna Canetti and others, "Collective trauma from the lab to the real world: the effects of the Holocaust on contemporary Israeli political cognitions", *Political Psychology*, vol.39, No. 1 (February 2018), pp. 3–21; Courtenay Conrad and others, "Threat perception and American support for torture", *Political Behavior*, vol. 40, No. 4 (December 2018), pp. 989–1,009; Jeremy Rinker and Jerry Lawler, "Trauma as a collective disease and root cause of protracted social conflict", *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 24, No. 2 (May 2018), pp. 150–164.

¹⁰ Melissa Dichter and others, "Coercive control in intimate partner violence: relationship with women's experience of violence, use of violence, and danger", *Psychology of Violence*, vol.8, No. 5 (2018), pp. 596–604; Pau Pérez-Sales, *Psychological Torture: Definition, Evaluation and Measurement* (New York, Routledge, 2017); Emily Hencken Ritter, "Policy disputes, political survival, and the onset and severity of State repression", *Journal of Conflict Resolution*, vol. 58, No. 1 (February 2014), pp. 143–168.

восстановление индивидуального, общинного или национального самоуважения после пережитого опыта неудачи, поражения, вины или унижения. В тех случаях, когда базовое стремление к самоутверждению искажается из-за чрезмерной гордости, патологических дисфункций или травматического переживания стыда, унижений, социальных трудностей и угнетения, оно может спровоцировать компенсирующие усилия по утверждению личного, общинного или национального уважения посредством агрессивного унижения, обесценивания и дискриминации других людей¹¹.

4. Самооправдание

23. Базовое стремление к самооправданию связано с врожденной потребностью человека в справедливости. Реальный или предполагаемый опыт несправедливости тесно связан с восприятием личного, общинного или национального достоинства и может спровоцировать те же защитные ответные действия, ориентированные на выживание, что и угроза физической безопасности. Основными общественными инструментами, направленными на восстановление справедливости, являются, разумеется, судебные, административные и арбитражные решения или соглашения по урегулированию, предусматривающие санкции, компенсацию, реституцию и другие меры по возмещению ущерба. В тех случаях, когда базовое стремление к самооправданию искажается в результате чрезмерно выраженного психологического «синдрома жертвы», патологической дисфункции или травмирующего опыта виктимизации, оно может спровоцировать компенсационные усилия, направленные на восстановление справедливости посредством коллективного, несоразмерного или иного жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство наказания или путем приобретающей всё большие масштабы самопомощи и мести¹².

5. Удовлетворение личных стремлений

24. Базовое стремление к удовлетворению личных интересов связано с врожденной потребностью человека в вознаграждении посредством деятельности, обещающей физические, эмоциональные и финансовые выгоды, такие как удовольствие, прибыль и награда. В зависимости от уровня социализации, опыта и зрелости личности обеспечение доступа к удовольствию может быть сильным или даже вызывающим привыкание мотивирующим фактором, в то время как отказ в удовольствии может восприниматься как крайне разочаровывающий, несправедливый фактор или, в случае зависимости, даже как серьезная угроза, провоцирующая проявление инстинктов выживания. Патологическое или иное крайне выраженное отсутствие эмпатии, самообладания или эмоциональной зрелости либо травмирующий опыт нехватки и лишений могут привести к компенсационным, жестоким или навязчивым моделям поведения, в рамках которых предпочтение отдается собственным желаниям и потребностям в ущерб достоинству и законным интересам других людей в самых разнообразных

¹¹ Linda Hartling and others, "Humiliation: a nuclear bomb of emotions?", *Psicologia Politica*, vol. 46 (2013), pp. 55–76; David Lacey, "The role of humiliation in the Palestinian/Israeli conflict in Gaza", *Psychology and Society*, vol. 4, No. 1 (2011), pp. 76–92; Clark McCauley, "Toward a psychology of humiliation in asymmetric conflict", *American Psychologist*, vol. 72, No. 3 (April 2017), pp. 255–265.

¹² Kevin Carlsmith and Avani Mehta Sood, "The fine line between interrogation and retribution", *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 45, No. 1 (January 2009), pp. 191–196; Caroline Drolet, Larry Heuer and Carolyn Hafer, "The role of perceived deservingness in the toleration of human rights violations", *Social Justice Research*, vol. 29, No. 4 (2016), pp. 429–455; Peter Liberman, "War and torture as 'just deserts'", *Public Opinion Quarterly*, vol. 78, No. 1 (2014), pp. 47–70.

контекстах — от финансовой и экономической эксплуатации, торговли людьми и наживы до сексуального, вуайеристического и садистского удовлетворения¹³.

IV. Преобладающие модели морального отстранения

25. В тех случаях, когда эгоистичные решения противоречат преобладающим моральным ценностям, например при применении пыток в попытке противостоять предполагаемой угрозе безопасности, как субъекты противоправного действия, так и свидетели склонны подавлять возникающую моральную дилемму посредством поведенческих и перцептивных стратегий, известных как «моральное отстранение». Учитывая универсальный, абсолютный и не допускающий отступлений запрет на пытки и жестокое обращение, а также неспособность человеческой психики выдерживать постоянные моральные дилеммы без вредного воздействия на психическое здоровье и эмоциональную стабильность, пытки и жестокое обращение в любых значительных масштабах были бы невозможны без «разрешающего» эффекта морального отстранения. Поэтому любая система государственного управления, серьезно намеренная искоренить пытки и жестокое обращение, должна найти способы уменьшить моральную отстраненность, с тем чтобы не допустить подрыва, обхода или паралича деятельности по предупреждению, расследованию, судебному преследованию и возмещению ущерба в связи с пытками и жестоким обращением¹⁴.

A. Отличие морального отстранения от правового оправдания

26. С психологической точки зрения функция морального отстранения заключается в том, чтобы оставить моральное осуждение пыток и жестокого обращения формально нетронутым и в то же время создать «зоны нечувствительности», в которых такие злоупотребления могут осуществляться без какой-либо вины. Моральная отстраненность всегда предполагает основанное на самообмане отрицание реальности, что позволяет субъектам и свидетелям участвовать в морально противоправном деянии или молчаливо потворствовать ему и в то же время отрицать либо его существование (отрицание факта), либо его противоправность (отрицание противоправности), либо личную или коллективную ответственность за его осуществление (отрицание ответственности).

27. С правовой точки зрения те же самые стратегии отрицания факта, отрицания противоправности и отрицания ответственности могут быть направлены и на то, чтобы избежать юридической подотчетности. Однако моральное отстранение по определению является не одним из приемлемых способов юридической защиты, а психологической стратегией самообмана. Таким образом, хотя концепция моральной отстраненности ни в коем случае не может оправдать пытки и жестокое обращение с юридической точки зрения, она может — что часто и происходит — серьезно влиять на психологическую способность и готовность судей, должностных лиц и свидетелей правильно воспринимать сообщения о пытках и жестоком обращении и эффективно реагировать на них,

¹³ Tobias Hecker and others, “Treating traumatized offenders and veterans by means of narrative exposure therapy” *Frontiers in Psychiatry*, vol. 6, No. 80 (June 2015); Ewa Stefanska and others, “Sadism among sexual homicide offenders: validation of the sexual sadism scale”, *Psychological Assessment*, vol. 31, No. 1 (January 2019), pp. 132–137; Roland Weierstall and others, “The thrill of being violent as an antidote to posttraumatic stress disorder in Rwandese genocide perpetrators”, *European Journal of Psychotraumatology*, vol. 2, No. 1 (2011).

¹⁴ Kathleen Malley-Morrison and others, “Engaging moral agency for human rights: outlooks from the global South”, *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 21, No. 1 (February 2015), pp. 68–88.

вплоть до обеспечения повсеместной самоуспокоенности в связи с такими злоупотреблениями. В зависимости от обстоятельств различные стратегии отрицания могут пересекаться или применяться одновременно или последовательно, как в индивидуальном, так и в коллективном масштабе.

В. Отрицание факта

28. Самым примитивным способом избежать или подавить моральные дилеммы, возникающие в результате принятия эгоистичных решений, является отрицание факта. Важно отметить, что при использовании этого способа в качестве одного из методов морального отстранения основной целью отрицания факта является не обман других, а самообман на основе умышленного неведения. Это не сознательный способ защиты, используемый преступниками для сокрытия своих преступлений, а бессознательный защитный механизм у институциональных или общественных наблюдателей для подавления чувства вины и стыда. Снова и снова чиновники и частные лица категорически отрицают и игнорируют случаи противоправного поведения просто для того, чтобы избежать стресса, связанного с необходимостью признать истину и, потенциально, отказаться от комфорта, уверенности и безопасности пассивного соответствия правилам и самоуспокоенности. С психологической точки зрения умышленное неведение мотивировано в первую очередь базовыми стремлениями к самоутверждению (против вины и стыда) и самосохранению (против системной угрозы)¹⁵.

29. Отрицание факта, емко резюмированное в лозунге «чего не должно быть, того не может быть», — очень распространенная реакция чиновников, журналистов и граждан, столкнувшихся с неожиданными или нежелательными обвинениями в серьезных системных проступках. Психологическая функция умышленного неведения заключается в том, чтобы посредством самообмана избежать разочарования, которое невозможно «переварить» психически или эмоционально или с которым невозможно справиться. Для сохранения ложного ощущения реальности бессознательно создаются мощные ментальные «зоны нечувствительности», что позволяет сознательному разуму «псевдо-рационально» отвергать даже убедительные доказательства серьезных проступков в качестве всего лишь «теорий заговора» и вместо этого ставить под сомнение мотивы и добросовестность «защитников морали», выдвигающих, передающих или расследующих инкриминируемые обвинения¹⁶.

30. На практике умышленное неведение позволяет должностным лицам и судьям, а также журналистам и простым гражданам отрицать факт применения пыток или жестокого обращения со стороны правительства, учреждения или группы, с которой они себя связывают или идентифицируют, даже при

¹⁵ Stanley Cohen, *States of Denial: Knowing about Atrocities and Suffering*. (Cambridge, Polity Press, 2001); Ronald Crelinsten, “World of torture: a constructed reality”, *Theoretical Criminology*, vol. 7, No. 3 (August 2003), pp. 293–318.

¹⁶ Nadia Bashir, “Wielding a double-edged sword: public moral advocates are derogated yet influential”, PhD dissertation, University of Toronto, 2014; Aloysia Brooks, “The annihilation of memory and silent suffering: inhibiting outrage at the injustice of torture in the war on terror in Australia”, PhD dissertation, University of Wollongong, 2016; Jared Del Rosso, “Textual mediation of denial: congress, Abu Ghraib, and the construction of an isolated incident”, *Social Problems*, vol. 58, No. 2 (July 2011), pp. 165–188; Richard Jackson “Language, policy and the construction of a torture culture in the war on terrorism”, *Review of International Studies*, vol. 33, No. 3 (July 2007), pp. 353–371; Jean Lennane, “What happens to whistleblowers, and why?” *Social Medicine*, vol. 6, No. 4 (2012), pp. 249–258.

столкновении с убедительными доказательствами¹⁷. В своем официальном диалоге с государствами в связи с конкретными вызывающими озабоченность вопросами или утверждениями о пытках или жестоком обращении Специальный докладчик указывает на следующую преобладающую схему реакции:

- a) не признавать официально выдвинутые обвинения или не отвечать на них;
- b) уклоняться от диалога по вопросам существа в отношении конкретных расследований, называя в качестве причин воображаемые формальные, процедурные или институциональные препятствия;
- c) отвергать утверждения или вызывающие озабоченность вопросы без какого-либо диалога по существу;
- d) отвлекать внимание путем обвинения мандатария в «политических мотивах», «отсутствии беспристрастности», «вмешательстве во внутренние дела» или «нарушении национального суверенитета»;
- e) отвлекать внимание посредством решительных заверений в приверженности правительства защите прав человека, огульных обвинений в адрес других субъектов или ложных проявлений протеста, негодования и психологии жертвы;
- f) дискредитировать, демонизировать или обвинять жертв, свидетелей, критиков и других защитников морали.

31. В правительственных и судебных органах, а также в институциональных надзорных механизмах самоуспокоенность наблюдателей, вызванная умышленным неведением, представляет собой серьезное препятствие для эффективного проведения расследования, судебного преследования и наказания за пытки и жестокое обращение, а также для возмещения ущерба и реабилитации жертв. Искаженное восприятие реальности по причине умышленного неведения также зачастую делает медийные организации неспособными объективно выявлять и разоблачать причастность правительства к пыткам и жестокому обращению и мешает рядовым гражданам устранять и исправлять системные недостатки на основе своих демократических прав.

32. Систематическое переплетение государственных и частных интересов, например, посредством финансирования кампаний, парламентского лоббирования и широкомасштабной приватизации основных государственных функций, включая военные структуры, службы безопасности, разведку и исправительные учреждения, создает всеохватное системное самосознание, в рамках которого моральные дилеммы, возникающие в результате эксплуататорских действий, уже не могут быть урегулированы в соответствии с принципами демократии и верховенства права, а подавляются с помощью умышленного неведения. Это относится как к проявлениям масштабной коррупции в развивающихся странах, так и к повсеместному сговору между важными отраслями промышленности и всеми ветвями власти в ведущих промышленных странах. В обоих случаях затронутые системы государственного управления утрачивают способность

¹⁷ Lance Bennett, Regina Lawrence and Steven Livingston, “None dare call it torture: indexing and limits of press independence in the Abu Ghraib scandal”, *Journal of Communication*, vol. 56, No. 3 (September 2006), pp. 467–485; Ruth Blakeley and Sam Raphael, “Accountability, denial and the future-proofing of British torture”, *International Affairs*, vol. 96, No. 3 (May 2020), pp. 691–709; Cătălin Mamali, “Accuracy of basic knowledge of traumatic historical events: The Armenian genocide”, *Journal of Loss and Trauma*, vol. 22, No. 2 (June 2016), pp. 99–109; Irene Bruna Seu, “‘Doing denial’: audience reaction to human rights appeals”, *Discourse and Society*, vol. 21, No. 4 (July 2010), pp. 438–457.

эффективно исправлять серьезные нарушения и дисбаланс, возникающие в результате принятия эгоистичных решений, и, следовательно, создавать «мирные, справедливые и устойчивые общества» и «эффективные, подотчетные и инклюзивные институты», как предусмотрено в рамках целей в области устойчивого развития.

33. В целом, если неосознанную склонность людей к системному оправданию с помощью умышленного неведения эффективно не смягчать с помощью объективных, независимых и транспарентных механизмов надзора и подотчетности, внешних по отношению к данной системе, то эта склонность серьезно подрывает способность любого правительства, учреждения или группы к самоисцелению и создает условия бесконтрольной власти, которые в значительной степени способствуют системной коррупции, эксплуатации и злоупотреблениям, в том числе пыткам и жестокому обращению.

С. Отрицание ответственности

34. В тех случаях, когда невозможно отрицать факт применения пыток или жестокого обращения, как активные участники, так и пассивные наблюдатели, как правило, испытывают сильные чувства вины и стыда. Чтобы избежать вытекающей из этого моральной дилеммы, как виновные, так и наблюдатели склонны морально отстраняться от ответственности — либо ссылаясь на соответствие их действий преобладающему поведению коллектива (распыление ответственности), либо возлагая вину за противоправное поведение на начальство, подчиненных или внешних субъектов (перекладывание ответственности).

1. Распыление ответственности

35. При распылении ответственности не отрицается факт применения пыток или жестокого обращения, но отрицается индивидуальная ответственность, с указанием вместо этого на коллективную ответственность. Распыление ответственности основано, прежде всего, на базовых стремлениях к самоутверждению (против вины и стыда) и самосохранению (против риска личной ответственности) и всегда направлено на то, чтобы «спрятаться» в коллективе¹⁸.

36. Распыление ответственности процветает на основе бессознательной склонности человека к групповому конформизму, когда человек согласовывает свое восприятие, рассуждения и решения со «своим» социальным окружением. Групповой конформизм способствует формированию коллективного самосознания и консенсуса, благодаря чему индивидуальная ответственность за правонарушения, как представляется, передается группе в целом и поглощается ею. Страх и травма могут также способствовать экстремальному групповому конформизму или «групповому мышлению», которое причастно к групповой нормализации пыток¹⁹.

¹⁸ Eran Halperin and Noa Schori-Eyal, “Moral emotions in political decision making”, in *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, William Thompson, ed. (Oxford University Press, 2020); Monica Luci, *Torture, Psychoanalysis, and Human Rights* (Routledge, 2017).

¹⁹ Albert Bandura, “Moral disengagement in the perpetration of inhumanities”, *Personality and Social Psychology Review*, vol. 3, No. 3 (August 1999), pp. 193–209; Janice Gibson and Mika Haritos-Fatouros, “The education of a torturer”, *Psychology Today*, vol. 20, No. 11 (November 1986), pp. 50–52 and 56–58; John Jost, Alison Ledgerwood and Curtis Hardin, “Shared reality, system justification, and the relational basis of ideological beliefs”, *Social and Personality Psychology Compass*, vol. 2, No. 1 (January 2008), pp. 171–186; Jerrold Post and Lara Panis, “Crimes of obedience: ‘groupthink’ at Abu Ghraib”, *International Journal of Group Psychotherapy*, vol. 61, No. 1 (2011), pp. 48–66.

37. Будучи весьма обыденной и широко распространенной моделью моральной отстраненности, распыление ответственности часто используется активными участниками коллективных актов пыток или жестокого обращения, таких как жестокость полиции во время собраний, групповые изнасилования, жестокие случаи травли или преследования. Однако чаще всего к распылению ответственности прибегают свидетели, неспособные предотвратить и пресечь такие злоупотребления или сообщить о них, будь то правительственные чиновники (внутренние свидетели) или журналисты или представители широкой общественности (внешние свидетели). В обоих случаях распыление ответственности направлено на распределение ответственности за противоправные действия или бездействие отдельно взятого лица на более широкую группу лиц.

а) Виновные, подстрекатели и другие активные участники

38. В случае активных участников пыток и жестокого обращения распыление ответственности направлено на то, чтобы их индивидуальное участие выглядело приемлемым или оправданным на основе соответствия поведению коллектива. По сути, это процесс нормализации поведения, которое в противном случае было бы воспринято как противоправное и предосудительное. В крайнем случае речь может идти о «разрешительной» среде, в которой политические, религиозные, военные или деловые лидеры открыто или косвенно подстрекают к пыткам и жестокому обращению, поощряют их или потворствуют им в качестве социально ожидаемого и приемлемого поведения, например публично заявляя, что «пытки работают». Аналогичного «разрешительного» эффекта можно добиться и за счет давления со стороны коллектива, в частности когда вероятность применения дисциплинарных или судебных санкций ничтожно мала²⁰.

39. Более изощренным способом, чем «разрешение», является «рутинизация» пыток и жестокого обращения посредством фрагментации. Разбивая процесс пыток и жестокого обращения на множество отдельных, специализированных и, казалось бы, безобидных подфункций, которые должны выполняться на различных уровнях иерархии, каждый участник, как правило, сосредоточивает внимание на технических особенностях своего вклада, а не на неправомерном характере общего процесса. Рутинизация позволяет обеспечить широкое распыление ответственности между различными службами, учреждениями, иерархическими уровнями и функциями²¹.

40. Процесс нормализации также часто происходит в результате того, что люди продолжают подвергаться все более жестоким актам, что влечет за собой постепенную потерю чувствительности преступников, свидетелей, средств массовой информации и общественности. Этот процесс подробно задокументирован в

²⁰ Shannon Houck and others, “When beliefs lead to (im)moral action: how believing in torture’s effectiveness shapes the endorsement of its use”, *Political Psychology*, vol. 40, No. 6 (2019), pp. 1,315–1,339; Herbert Kelman, “The policy context of torture: a social-psychological analysis”, *International Review of the Red Cross*, vol. 87, No. 857 (March 2005), pp. 123–134; Sophie Richardot, “‘You know what to do with them’: the formulation of orders and engagement in war crimes”, *Aggression and Violent Behavior*, vol. 19, No. 2 (March–April 2014), pp. 83–90; Mary Lowth, “Does torture work? Donald Trump and the CIA”, *British Journal of General Practice*, vol. 67, No. 656 (March 2017).

²¹ Albert Bandura, *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves* (Worth Publishers, 2016); Herbert Kelman, “Violence without moral restraint: reflections on the dehumanization of victims and victimizers”, *Journal of Social Issues*, vol. 29, No. 4 (1973), pp. 25–61.

отношении методов подготовки сотрудников военной полиции по применению пыток, а также в общественных масштабах, и может привести к геноциду²².

б) Внутренние и внешние свидетели

41. Для искоренения пыток и жестокого обращения свидетели таких действий, будь то представители органов власти, средств массовой информации или широкой общественности, должны привлекать подстрекателей и виновных к ответственности с помощью независимых и беспристрастных судебных и дисциплинарных механизмов. Однако на практике как внутренние, так и внешние свидетели в высшей степени подвержены пассивности («апатии наблюдателя»). Чем больше свидетелей, тем меньше вероятность того, что каждый из них примет меры. Большие толпы людей могут оказывать настолько парализующий эффект на свидетелей, что исследования с томографией головного мозга людей в таких ситуациях выявили снижение активности мозга в областях, связанных с «помогающим» поведением, когда люди становятся свидетелями чрезвычайных ситуаций, касающихся других людей²³.

42. Пассивные свидетели, как правило, испытывают сильные чувства вины и стыда за то, что не вмешались и не предотвратили пытки или жестокое обращение. Последующая моральная дилемма подавляется ссылкой на пассивность «всех остальных». На практике внутренняя и внешняя апатия наблюдателей играет важнейшую роль в создании благоприятных условий для применения пыток и жестокого обращения во всем мире.

43. Важно отметить, что при нормализации «апатии наблюдателей» те, кто идет против пассивности, обличая аморальные действия в качестве активных свидетелей, независимо от того, как их называют — «обличителями», «защитниками морали», «предателями», «шпионами» или «диссидентами», — обычно подвергаются социальным санкциям²⁴. На практике пассивное большинство часто изолирует и исключает таких «защитников морали», к ним относятся с презрением и на основе самообмана воспринимают их как предателей, эгоистов, высокомерных или оскорбителей²⁵.

2. Перекладывание ответственности

44. Перекладывание ответственности всегда направлено на освобождение отдельных лиц, учреждений или даже целых наций от ответственности путем обвинений других в противоправном поведении. Это весьма распространенная модель первоначальной реакции в контексте расследований, направленных на прояснение вопросов подотчетности. По сути, перекладывание ответственности может принимать три принципиально различные формы, а именно: а) «наверх»

²² Janice Gibson, "Training people to inflict pain: State terror and social learning", *Journal of Humanistic Psychology*, vol. 31, No. 2 (1991), pp. 72–87; Ervin Staub, "Building a peaceful society: origins, prevention, and reconciliation after genocide and other group violence", *American Psychologist*, vol. 68, No. 7 (October 2013), pp. 576–589.

²³ Ruud Hortensius and Beatrice de Gelder, "From empathy to apathy: the bystander effect revisited", *Current Directions in Psychological Science*, vol. 27, No. 4 (August 2018), pp. 249–256; Bibb Latané and Steve Nida, "Ten years of research on group size and helping", *Psychological Bulletin*, vol. 89, No. 2 (1981), pp. 308–324.

²⁴ Brian Martin, "Strategy for public interest leaking", in *Secrecy, Law, and Society*, Martin Bray, Rebecca Scott Bray and Miiko Kumar, eds. (Oxford, Routledge, 2015), pp. 219–233; Nadia Bashir, "Wielding a double-edged sword"; Lissa Johnson, "The psychology of getting Julian Assange: what's torture got to do with it?", New Matilda, 23 February 2019.

²⁵ См., в частности, Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, "UN expert says 'collective persecution' of Julian Assange must end now", 31 May 2019 and the Special Rapporteur's findings of 27 May 2019 in the case of Julian Assange (UA GBR 3/2019).

или b) «вниз» в рамках системы подчинения, иерархии или другой властной структуры или c) перекладывание ответственности «вовне» с помощью использования внешних субъектов.

a) Перекладывание ответственности «наверх»

45. Почти стандартная реакция должностных лиц, обвиняемых в совершении правонарушений, будь то в результате их действия или бездействия, заключается в том, чтобы утверждать, что они «только выполняли приказы». Пассивность свидетелей и, в крайних случаях, даже их активное участие в пытках и жестоком обращении действительно могут быть результатом непреодолимого личного стресса и чистого инстинкта выживания, особенно в ситуациях, когда не подчиняющиеся приказам должностные лица или свидетели подвергаются серьезному риску репрессий или когда жертв заставляют пытаться друг друга. Хотя такие экстремальные обстоятельства могут смягчить личную вину, они никогда не могут юридически оправдать (т.е. сделать законным) любое участие в пытках или жестоком обращении или молчаливое согласие с ними²⁶.

46. Однако даже за рамками таких ситуаций угнетения люди, как правило, испытывают в значительной степени ослабленное чувство личной ответственности за вред и страдания, причиняемые ими по указанию представителей власти. С психологической точки зрения в случае действий согласно приказу чувство долга, лояльность и преданность виновных, как правило, превалируют над их чувством ответственности и сопереживания по отношению к жертве. Тенденция предпочитать моральным соображениям подчинение приказам наблюдается, в частности, у палачей, выполняющих смертные приговоры, и у лиц, виновных в применении пыток, а также в случаях геноцида²⁷. Хотя деструктивное подчинение субъектам власти является чрезвычайно опасной человеческой тенденцией, его последствия можно весьма эффективно устранить за счет присутствия вышестоящей власти, например эффективной системы внешнего надзора и подотчетности, в рамках которой гарантировано осуществляется судебное преследование и наказание за противоправное поведение даже тогда, когда такое поведение санкционировано вышестоящим начальством.

b) Перекладывание ответственности «вниз»

47. Перекладывание ответственности работает и в обратном направлении, а именно — когда вышестоящие должностные лица делегируют пытки и жестокое обращение «вниз» в рамках системы подчинения и подавляют свою собственную моральную дилемму, «умывая руки от грязной работы». На практике вышестоящие должностные лица могут выражать неявные ожидания по отношению к своим подчиненным, например, сказать: «Выясните, что им известно!» или «Вы знаете, что с ними делать!», что в данных обстоятельствах может предсказуемо

²⁶ Статья 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; статьи 4 и 7 Международного пакта о гражданских и политических правах; Mika Haritos-Fatouros, “The official torturer: a learning model for obedience to the authority of violence”, *Journal of Applied Social Psychology*, vol. 18, No. 13 (October 1988), pp. 1,107–1,120.

²⁷ Laurent Bègue and others, “Personality predicts obedience in a Milgram paradigm”, *Journal of Personality*, vol. 83, No. 3 (June 2015), pp. 299–306; Herbert Kelman and Lee Hamilton, *Crimes of Obedience: Toward a Social Psychology of Authority and Responsibility* (Yale University Press, 1989); Michael Osofsky, Albert Bandura and Philip Zimbardo, “The role of moral disengagement in the execution process”, *Law and Human Behavior*, vol. 29, No. 4 (September 2005), pp. 371–393; Ervin Staub, “Obeying, joining, following, resisting, and other processes in the Milgram studies, and in the Holocaust and other genocides: situations, personality, and bystanders”, *Journal of Social Issues*, vol. 70, No. 3 (September 2014), pp. 501–514.

способствовать применению пыток или жестокому обращению, не давая, однако, прямых указаний на этот счет.

48. С точки зрения закона такое «нисходящее» делегирование ответственности по применению пыток и жестокого обращения не может освобождать от ответственности делегирующего начальника, который по-прежнему несет уголовную ответственность либо как подстрекатель, либо как командир и вышестоящий начальник, и не уменьшает ответственность государства за противоправное поведение. Однако с основанной на фактах моральной и психосоциальной точки зрения перекладывание ответственности «вниз» порождает самообманчивое чувство уклонения под благовидным предлогом, которое часто с благодарностью воспринимается политическим руководством, средствами массовой информации и общественностью, поскольку ответственность за злоупотребления удобно возлагать на «паршивых овец» или «неподконтрольных негодяев», с одновременным избеганием более масштабных расследований, касающихся ответственности вышестоящих лиц. Чтобы перекладывание ответственности «вниз» было возможно, среди органов власти существуют стратегии отрицания факта причинения вреда, в том числе «согласованное и преднамеренное незнание» подробностей актов насилия²⁸.

с) Перекладывание ответственности «вовне»

49. Уклонение под благовидным предлогом можно укрепить за счет перекладывания вины на внешних «доверенных лиц», таких как частные подрядчики, наемники, члены организованных преступных группировок, повстанцы и даже другие государства. Преднамеренная передача применения пыток и жестокого обращения внешним негосударственным субъектам или другим государствам может быть сознательной политикой по сокрытию юридической ответственности государств. Однако в качестве стратегии морального отстранения перекладывание ответственности «вовне» не обязательно означает, что противоправное поведение преднамеренно планируется или поощряется, а означает, что моральная дилемма, возникающая в связи с тем или иным действием, подавляется с помощью обвинения внешних субъектов: «с глаз долой — из сердца вон»²⁹.

50. Контексты, в которых уклонение под благовидным предлогом обычно используется для отрицания ответственности государства за пытки и жестокое обращение, включают гражданские войны, в ходе которых государства осуществляют подготовку повстанческих сил, причастных к таким злоупотреблениям³⁰, а также нерегулярную выдачу задержанных в другие страны для целей проведения допросов с применением методов принуждения³¹ и миграционную политику, в рамках которой страны назначения вступают в сговор с небезопасными странами для проведения операций по удержанию покидающих страну лиц, тем самым умышленно препятствуя прибытию мигрантов в их собственную

²⁸ Ruth Jamieson and Kieran McEvoy, “State crime by proxy and juridical othering”, *The British Journal of Criminology*, vol. 45, No. 4 (July 2005), pp. 504–527.

²⁹ Там же.

³⁰ См., например, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, *Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986*, p. 14, para. 110; International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991, Appeals Chamber, *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Case No. IT-94-1-A, Judgment, 15 July 1999, para. 117; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, *Judgment, I.C.J. Reports 2007*, p. 43, para. 430.

³¹ Sam Raphael, Crofton Black and Ruth Blakely, *CIA Torture Unredacted*. (The Rendition Project and The Bureau of Investigative Journalism, July 2019).

юрисдикцию и сознательно подвергая их опасности пыток, изнасилований и убийств (см. [A/HRC/37/50](#), пункты 54–57).

D. Отрицание противоправности

51. В тех случаях, когда невозможно отрицать ответственность за акты пыток или жестокого обращения, возникающая в результате этого моральная дилемма, как правило, подавляется отрицанием противоправности этого деяния. Чаще всего это связано с утверждениями о том, что рассматриваемое поведение в первую очередь не соответствует определению пыток или жестокого обращения (банализация) или что оно оправдано в порядке исключения на основании соображений необходимости (необходимое зло) или дискриминации (исключение по признаку принадлежности к той или иной группе).

1. Банализация

52. Моральная отстраненность посредством банализации начинается с использования эвфемистических выражений, направленных на «обеление» пыток и жестокого обращения и создание ощущения приемлемости³². Так, меры, связанные с пытками или жестоким обращением, эвфемистично описываются, в частности, как «усиленный допрос»³³, «глубокий допрос»³⁴, «умеренное физическое давление»³⁵, «методы давления»³⁶, «специальные меры»³⁷, «эксплуатация людских ресурсов»³⁸, «профессиональная подготовка»³⁹, «конверсионная терапия»⁴⁰, «сдерживание»⁴¹ и «специальные административные меры»⁴².

53. Банализация проявляется также в усилиях по исключению некоторых видов практики из юридического определения пыток и жестокого обращения, чаще всего с помощью объективно неприемлемых утверждений о том, что возникающие в результате применения таких методов боль или страдания, хотя и наносятся преднамеренно и целенаправленно, не достигают требуемого порога «тяжести» (см. [A/73/207](#), пункт 45). Сильный эффект банализации достигается также за счет того, что государства избегают или предотвращают судебные преследования и наказания за пытки и жестокое обращение или вводят основания

³² Kimberly Rios and Dominik Mischkowski, “Shaping responses to torture: what you call it matters”, *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 45, No. 6 (June 2019), pp. 934–946; James Waller, *Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killing* (Oxford University Press, 2002).

³³ См. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, “Torture is torture, and waterboarding is not an exception – UN expert urges the US not to reinstate it”, 30 January 2017.

³⁴ European Court of Human Rights, *Ireland v. the United Kingdom*, Case No. 5310/71, Judgment, 18 January 1978.

³⁵ Комитет против пыток, заключительные замечания по Израилю от 12 июня 1994 года ([A/49/44](#), пункты 159–171).

³⁶ Сообщение AL ISR 7/2018 от 31 января 2018 года.

³⁷ Human Rights Watch, ““Special measures”: detention and torture in the Chinese Communist Party’s Shuanggui system”, 6 December 2016.

³⁸ United States of America, Central Intelligence Agency, *Human Resource Exploitation Training Manual* (1983).

³⁹ [CAT/C/CHN/CO/5](#), пункт 42; Сообщения: OL/CHN18/2019 от 1 ноября 2019 года; OL/CHN15/2018 от 24 августа 2018 года.

⁴⁰ [A/74/148](#), пункты 48–50.

⁴¹ [A/HRC/37/50](#), пункты 7, 19, 28 и 34.

⁴² [A/HRC/22/53/Add.4](#), пункт 179.

или сроки исковой давности для таких преступлений либо объявляют амнистии и помилование виновных⁴³.

54. На практике государства принимают политику, неполные определения или толкования, законодательство и судебные решения, банализирующие широкий круг деяний, связанных с пытками и жестоким обращением, включая допрос с принуждением, жестокость полиции, чрезмерное применение силы, насильственное сдерживание мигрантов, насилие по гендерному признаку, психологические пытки, киберпреследование и бытовое насилие. Обеспечивая безнаказанность за такие злоупотребления, государства открыто дискредитируют всеобщее, абсолютное и не допускающее отступлений запрещение пыток и жестокого обращения, нарушают свои правовые обязательства, принижают тяжесть преступлений и активно подавляют моральные дилеммы, возникающие в результате применения таких методов. На практике это приводит к ожиданию безнаказанности, что закрепляет общественную и институциональную самоуспокоенность и поощряет дальнейшее распространение пыток и жестокого обращения.

55. Кроме того, государства обычно умаляют серьезность проблем, вызывающих озабоченность международных механизмов по правам человека, либо не реагируя на них, либо реагируя неоправданно формально, агрессивно или с пренебрежением по отношению к серьезности проблемы. Как это ни парадоксально, но некоторые государства в двустороннем порядке просили Специального докладчика «банализировать» юридические определения пыток и жестокого обращения, включив в их сферу охвата такие широко распространенные виды практики, как сдерживание мигрантов, бытовое насилие и публичное преследование. Однако наиболее тревожным является то, что три постоянных члена Совета Безопасности, от которых следует ожидать, что они, подавая пример для других, будут с уважением относиться к своим привилегиям, заняли откровенно враждебную позицию по отношению к международным механизмам в области прав человека. Так, Соединенные Штаты Америки не только официально вышли из состава Совета по правам человека, но и угрожали сотрудникам Международного уголовного суда санкциями за любое уголовное расследование в отношении сотрудников из Соединенных Штатов⁴⁴, Китай призывал привлечь мандатариев специальных процедур к «ответственности» за «проступки», осудив их официальное сообщение о проблемах в области прав человека как «нонсенс», который является «серьезным ущемлением суверенитета Китая, вмешательством в его внутренние дела и грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций»⁴⁵, а Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии неоднократно отклоняло официальные сообщения и доклады специальных докладчиков как «подстрекательские», «политические», «предвзятые» и «вмешивающиеся» в работу британской судебной системы⁴⁶.

⁴³ Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, “Torture is torture, and waterboarding is not an exception – UN expert urges the US not to reinstate it”, 30 January 2017; Сообщения: AL ISR 7/2018 от 31 января 2018 года; OL GBR 6/2020 от 15 июня 2020 года; AL GBR 4/2019 от 19 августа 2019 года.

⁴⁴ Соединенные Штаты Америки, президентский указ № 13928 от 11 июня 2020 года.

⁴⁵ Ответ Китая от 26 июня 2020 года Управлению Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, “UN experts call for decisive measures to protect fundamental freedoms in China” (“Эксперты ООН призывают к решительным мерам по защите основных свобод в Китае»), 26 июня 2020 года, URL: www.china-un.ch/eng/hom/t1792660.htm.

⁴⁶ См. A/HRC/41/39/Add.3; Официальная жалоба на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, поданная министром и членом парламента Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Грантом Шапсом (11 сентября 2013 года); министр иностранных дел Великобритании, отвечая в Твиттере 31 мая 2019 года Управлению Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по

2. **Оправдание на основании соображений необходимости**

56. Хотя международное право не оставляет никаких сомнений в том, что запрет пыток и жестокого обращения является абсолютным и не допускающим отступлений, недавняя история изобилует попытками оправдать такие злоупотребления на основе продиктованных соображениями необходимости «исключений» (пункт 2 статьи 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания). Как и все остальные методы морального отстранения, оправдание на основании соображений необходимости не является веским способом защиты с юридической точки зрения, а представляет собой стратегию самообмана, направленную на то, чтобы избежать или подавить моральную дилемму, возникающую из-за ощущения неправомерности любой практики пыток или жестокого обращения или молчаливого согласия с ней⁴⁷.

57. Оправдание на основании соображений необходимости отражает идею «цель оправдывает средства» и направлено на то, чтобы морально узаконить пытки или жестокое обращение как «необходимое зло» для достижения якобы более важной цели. При оправдании на основании соображений необходимости не отрицается ни применение пыток или жестокого обращения, ни индивидуальная, институциональная или национальная ответственность за их применение, но возникающая в результате их применения моральная дилемма подавляется посредством отрицания противоправности такой практики в силу конкретных обстоятельств. Практические цели, которые, как утверждается, оправдывают пытки и жестокое обращение, зависят от контекста, но, как правило, связаны с одним или несколькими основными аспектами эгоистических интересов.

а) **Безопасность, самозащита и самосохранение**

58. Необходимость защищаться от угроз личной или общественной безопасности является преобладающей практической основой, с помощью которой оправдываются пытки и жестокое обращение. Постыдные юридические меморандумы Министерства юстиции Соединенных Штатов, в которых лица, задержанные в ходе «войны с террором», определяются как «незаконные комбатанты», к которым не применимы меры защиты, предусмотренные Женевскими конвенциями, являются одним из известных примеров того, как правительство той или иной страны пытается устранить правовые барьеры на пути к оправданию пыток соображениями необходимости⁴⁸. В этом случае цель заключается в защите от террористических угроз путем извлечения информации, чтобы оправдать использование методов «усиленного допроса». Хотя впоследствии правительством Соединенных Штатов была признана незаконность такого толкования, опросы, проведенные через 10 лет после нападения 11 сентября 2001 года, указывают на то, что официальное изложение оправданий на основании соображений необходимости, судя по всему, сохранилось в общественном сознании:

правам человека, “UN expert says ‘collective persecution’ of Julian Assange must end now” («Эксперт ООН говорит, что «коллективное преследование» Джулиана Ассанжа следует немедленно прекратить»), 31 мая 2019 года, URL: https://twitter.com/Jeremy_Hunt/status/1134373848290353152?s=20.

⁴⁷ Monica Luci, *Torture, Psychoanalysis, and Human Rights*; Susan Opatow, “Moral exclusion and torture: the ticking bomb scenario and the slippery ethical slope”, *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 13, No. 4 (2007), pp. 457–461.

⁴⁸ Karen Goldberg and Anthony Lewis, eds., *The Torture Papers: The Road to Abu Ghraib* (Cambridge University Press, 2005); Manfred Nowak, “What practices constitute torture? US and UN standards”, *Human Rights Quarterly*, vol. 28, No. 4 (November 2006), pp. 809–841. Milan Markovic, “Can lawyers be war criminals?”, *Georgetown Journal of Legal Ethics*, vol. 20, No. 347 (2007), pp. 346–369.

более 70 процентов респондентов из Соединенных Штатов считают, что в 2011 году пытки лиц, подозреваемых в терроризме, были оправданы⁴⁹. Аналогичным образом, Верховный суд Израиля упомянул «защиту ссылкой на необходимость», чтобы освободить допрашивавших от судебного преследования, отметив, что использование так называемых «методов давления» было оправдано серьезными подозрениями, свидетельствовавшими о том, что жертва была причастна к террористической деятельности⁵⁰.

59. Оправдание соображениями необходимости в плане безопасности и обороны особенно эффективны для достижения самообманчивого морального отстранения, поскольку в этом случае используются мощные эмоции страха, возникающие из базового инстинкта выживания. Примеры публично распространяемых идей, направленных на оправдание пыток как необходимого средства, включают, в частности, такие лозунги, как «погружение пытаемого в воду работает»⁵¹, так называемый сценарий «бомбы замедленного действия» и «подчищенные» изображения необходимых для спасения жизней пыток, транслируемые в массовой развлекательной индустрии, а также политические идеи, демонирующие определенные меньшинства, мигрантов и другие маргинализированные группы как «головорезов», «преступников», «террористов», «предателей» и «паразитов». На практике основанное на соображениях безопасности оправдание пыток и жестокого обращения, как правило, подкрепляется политикой секретности⁵², которая устраняет любую реальную вероятность того, что виновные будут привлечены к ответственности, тем самым решительно содействуя моральному отстранению не только тех, кто совершает такие деяния, но и внутренних свидетелей, средств массовой информации и общественности в целом⁵³.

b) Свобода, независимость и самоопределение

60. Цели свободы и самоопределения часто используются для узаконивания пыток и жестокого обращения, например в ходе борьбы за национальное самоопределение, политическую и экономическую независимость, а также за свободу от эксплуатации и дискриминации любого рода. В крайних случаях утверждается, что достижение свободы и самоопределения, что само по себе вполне может быть законной целью, оправдывает все средства, включая пытки и жестокое обращение. Борьба за свободу и самоопределение обычно связана с принадлежностью к определенной группе и стремлением к справедливости, поэтому соответствующие моральные дилеммы, как правило, дополнительно подавляются идеями самооправдания и концепцией «мы» против «них», в рамках которой может иметь место исключение лиц, связанных с противостоящей группой, из сферы защиты моральными соображениями. Таким образом, оправдания

⁴⁹ Andrew Pilecki and others, “Moral exclusion and the justification of U.S. counterterrorism strategy: Bush, Obama, and the terrorist enemy figure”, *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 20, No. 3 (August 2014), pp. 285–299.

⁵⁰ Сообщение AL ISR 7/2018 от 31 января 2018 года и ответ правительства Израиля от 4 мая 2018 года.

⁵¹ См. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, “Torture is torture, and waterboarding is not an exception – UN expert urges the US not to reinstate it”, 30 January 2017.

⁵² Greg Martin, Rebecca Scott Bray and Miiko Kumar, eds., *Secrecy, Law, and Society* (Routledge, 2015).

⁵³ Courtenay Conrad and others, “Threat perception”; Krista De Castella, Craig McGarty and Luke Musgrove, “Fear appeals in political rhetoric about terrorism: an analysis of speeches by Australian Prime Minister Howard”, *Political Psychology*, vol. 30, No. 1 (February 2009), pp. 1–26; Joseph Spino and Denise Dellarosa Cummins, “The ticking time bomb: when the use of torture is and is not endorsed”, *Review of Philosophy and Psychology*, vol. 5, No. 4 (August 2014), pp. 543–563.

соображениями необходимости, основанные на притязаниях на свободу и самоопределение, могут спровоцировать месть и зверские преступления, включая сексуальное насилие, массовые убийства, этнические чистки и даже геноцид⁵⁴.

c) Честь, достоинство и самоутверждение

61. Особенно после травмирующего опыта военного поражения или национального, религиозного, этнического или расового унижения, а также после политических или социальных потрясений восстановление коллективной чести, достоинства и патриотизма часто используется для подавления моральной дилеммы, возникающей в результате унижения других⁵⁵. Моральное отстранение по соображениям необходимости с целью самоутверждения часто включает в себя самовозвышение политического руководства и продвижение концепции идеализированного общества, которое не может быть ни в чем виновато и не совершает каких-либо проступков. Этому процессу способствует упоминание борьбы между «цивилизацией и варварством» и «добром и злом», «демократией и тиранией» или даже «волей Бога и сатанинскими силами». Аналогичная динамика проявляется на уровне семей в контексте «убийств в защиту чести». Для поддержания хрупкого чувства коллективной чести и достоинства любые взгляды или критика, отклоняющиеся от идей самоутверждения и идеализации, подавляются любой ценой, в том числе с помощью группового насилия и злоупотреблений⁵⁶.

d) Месть, возмездие и самооправдание

62. Идеи исторической несправедливости, основанные на потребности в самооправдании в ответ на предполагаемую несправедливость, могут подпитывать этническую, расовую и национальную ненависть и насилие, безнаказанные преступления могут приводить к отчаянным актам мести, а военные преступления могут спровоцировать жестокие акты возмездия в отношении мирного гражданского населения. Весьма распространены также политические лозунги о «жесткой борьбе с преступностью», включающие пропаганду унижающего достоинство обращения, унижительные условия содержания под стражей и жесткие санкции, основанные на широко распространенном представлении о том, что террористы, наркоторговцы, лица, совершившие сексуальные преступления, и другие «плохие парни» должны «получить по заслугам». С моральной точки зрения с помощью таких моделей реагирования пытки и жестокое обращение переосмысляются как достойное заслуженное наказание за предполагаемую несправедливость⁵⁷.

⁵⁴ О том, как нацистская пропаганда «оправдывала» свою политику геноцида предполагаемой борьбой за освобождение от якобы нависшей угрозы появления еврейского мирового правительства, см., например, Brendan Fay, "The Nazi conspiracy theory: German fantasies and Jewish power in the Third Reich", *Library and Information History*, vol. 35, No. 2 (2019), pp. 75–97. См. также Aida Arosoaie, "In the name of honour and freedom: the sacred as a justifying tool for ISIS' and secular violence", *Culture and Religion*, vol. 18, No. 3 (2017), pp. 278–295. Joyce Dalsheim, "Settler nationalism, collective memories of violence and the 'uncanny other'", *Social Identities*, vol. 10, No. 2 (2004), pp. 151–170; Fatma Ulgen, "Reading Mustafa Kemal Atatürk on the Armenian genocide of 1915", *Patterns of Prejudice*, vol. 44, No. 4 (2010), pp. 369–391.

⁵⁵ Например, необходимость обратить вспять «позор Версаля» была использована нацистской Германией для подавления моральных опасений по поводу ее агрессивной позиции, что привело ко Второй мировой войне.

⁵⁶ Caroline Kennedy, "The Manichean temptation: moralising rhetoric and the invocation of evil in US foreign policy", *International Politics*, vol. 50, No. 5 (September 2013), pp. 623–638.

⁵⁷ Hannah Cooper, "War on drugs policing and police brutality", *Substance Use and Misuse*, vol. 50, No. 8–9 (2015), pp. 1,188–1,194.

е) Эксплуатация и удовлетворение личных стремлений

63. Наиболее примитивная и наименее привлекательная для публики стратегия прагматичной моральной отстраненности заключается в том, чтобы «оправдать» ущерб, причиненный противоправным поведением, с помощью прямой выгоды или удовлетворения, которые приносит это поведение. В целом, абсолютное предпочтение личной выгоды перед интересами других людей воспринимается как глубоко эгоцентричное, психосоциально незрелое обоснование, которое скорее ассоциируется с преступностью или патологией, чем с моралью. Поэтому, хотя удовлетворение личных стремлений может мотивировать виновных и склонных к вуайеризму свидетелей пыток и жестокого обращения, включая коммерциализированный или ритуализированный садизм, сексуальное насилие и убийство, оно, как правило, не является открыто используемым оправданием причинения вреда и страданий другим людям.

64. Однако будучи замаскированной под экономические идеи «рентабельности», «минимизации издержек», «конкурентоспособности», «аутсорсинга», «жесткой экономии», «предпочтений потребителей» и «экстернализации затрат», та же самая логика удовлетворения личных стремлений служит для рационализации широкого спектра эксплуататорских схем, включая современное рабство, сексуальную эксплуатацию, торговлю людьми, негуманные условия труда и экстернализацию рисков для здоровья и окружающей среды. В сочетании со стратегиями отрицания факта и отрицания ответственности прагматичная приоритизация удовлетворения личных стремлений может привести к появлению значительных общественных и системных «зон нечувствительности», в которых для создания, навязывания или сохранения условий эксплуатации регулярно применяются запугивание, принуждение, наказание и дискриминация⁵⁸.

3. Дискриминационное оправдание

65. Тенденция объединения в группы является одной из наиболее распространенных и подробно описанных тенденций человеческого поведения. Будучи существом социальным, человек в значительной степени зависит от членства в группах для удовлетворения индивидуальных психологических потребностей, включая самоуважение, достоинство, самобытность, безопасность, уверенность и ощущение нужности. Соответственно, групповые психологические процессы оказывают мощное влияние на рассуждения, восприятие, эмоции и поведение людей, в том числе такими способами, которые способствуют причинению вреда на основе принадлежности к той или иной группе⁵⁹.

66. Моральные дилеммы, возникающие в результате межгруппового насилия и злоупотреблений, как правило, подавляются с помощью идей дискриминационного оправдания, которые способствуют моральной отстраненности на «племенном» уровне социальных групп. По сути, дискриминационное оправдание сводит к минимуму, узаконивает или оправдывает злоупотребления, совершаемые собственной социальной группой человека (лицами «внутри группы») в отношении другой социальной группы (лиц «вне группы») по широкому кругу признаков принадлежности к той или иной группе, включая расовые, этнические, географические, социально-экономические, связанные с инвалидностью,

⁵⁸ Brian Jarvis, "Monsters Inc.: serial killers and consumer culture", *Crime, Media, Culture: An International Journal*, vol. 3, No. 3 (December 2007), pp. 326–344.

⁵⁹ Bernhard Leidner, Linda Tropp and Brian Lickel, "Bringing science to bear – on peace, not war: elaborating on psychology's potential to promote peace", *American Psychologist*, vol. 68, No. 7 (2013), pp. 514–526.

возрастом, гендерной принадлежностью или сексуальной ориентацией, религиозные или любые другие основания, связанные с дискриминацией любого рода.

67. Групповые психологические процессы могут привести к тому, что члены группы будут сознательно или бессознательно исключать лиц вне группы из парадигмы своего обычного морального поведения («круг морального уважения»). Этот процесс растожествления позволяет людям причинять страдания лицам вне своей группы, не испытывая моральной дилеммы, связанной с таким же поведением, направленным против членов своей группы. Дискриминация по признаку принадлежности к той или иной группе и связанное с этим моральное отстранение могут проявляться на микроуровне, когда отдельные лица изолируются, подвергаются запугиванию или преследуются внутри племен, семей, профессиональных коллективов, школьных классов и воинских подразделений, и могут распространяться вплоть до макроуровня массовых злодеяний, таких как рабство, основанное на расовой принадлежности, этнические чистки и геноцид⁶⁰.

а) Дегуманизация, принижение и игнорирование лиц вне группы

68. Одним из бессознательных психологических механизмов дискриминационного причинения вреда является сниженная эмпатия, когда при наблюдении за причинением боли членам других социальных групп отвечающая за эмпатию мозговая деятельность наблюдателей оказывалась сниженной или даже отсутствующей. Это нейроэмоциональное явление известно как «недостаток эмпатии» и было продемонстрировано в различных социальных группах, в том числе по признаку расы и национальности, а также в отношении различных видов боли, включая электрический шок, выражение боли на лице, уколы иглами лица или рук, нанесение порезов битым стеклом или разрезание гениталий бритвенными лезвиями⁶¹.

69. Снижение эмпатии по отношению к другим социальным группам связано с групповой дегуманизацией, предполагающей восприятие «другого» как недочеловека и менее способного к человеческим страданиям. Дегуманизация на основе принадлежности к той или иной группе связана с поддержкой пыток военнопленных, восприятием пыток как более этичных с нравственной точки зрения в тех случаях, когда они совершаются собственными силами безопасности по сравнению с силами безопасности другой страны, а также с поддержкой безнаказанности за пытки и убийства гражданских лиц из других групп во время войны. Среди мужчин сексуальная агрессия и склонность к изнасилованию связаны с ассоциированием женщин с животными и с дегуманизацией женщин как военных трофеев⁶².

⁶⁰ Susan Opatow, "Moral exclusion and injustice: an introduction", *Journal of Social Issues*, vol. 46, No. 1 (1990), pp. 1–20; Susan Opatow, "How this was possible: interpreting the Holocaust", *Journal of Social Issues*, vol. 67, No. 1 (March 2011), pp. 205–224.

⁶¹ Matt Richins and others, "Empathic responses are reduced to competitive but not non-competitive outgroups", *Social Neuroscience*, vol. 14, No. 3 (2019), pp. 345–358; Mark Tarrant and others, "Social identity and perceptions of torture: it's moral when we do it", *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 48, No. 2 (March 2012), pp. 513–518.

⁶² Nick Haslam, "Dehumanization: an integrative review", *Personality and Social Psychology Review*, vol. 10, No. 3 (August 2006), pp. 252–264; G. Tendayi Viki, Daniel Osgood and Sabine Phillips, "Dehumanization and self-reported proclivity to torture prisoners of war", *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 49, No. 3 (May 2013), pp. 325–328; Adam Waytz and Juliana Schroeder, "Overlooking others: dehumanization by commission and omission", *Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, vol. 21, No. 3 (September 2014), pp. 251–266.

70. Дегуманизация лиц за пределами группы также используется в качестве защитной стратегии, наряду с возложением вины на жертву вне группы, вместо признания коллективного проступка. Например, было установлено, что граждане из числа поселенческо-колониальных народов дегуманизируют коренные народы после прочтения напоминаний о массовых убийствах в истории, и читатели, как было установлено, считают, что жертвы пыток из числа лиц вне группы и жертвы преступлений на почве ненависти сами виноваты в своих страданиях. Возложение вины на жертву, по-видимому, особенно ярко проявляется в тех случаях, когда преступления против групп меньшинств остаются безнаказанными, что отчасти обусловлено оправдывающими систему мотивами для рационализации групповых актов несправедливости⁶³.

b) Лояльность к членам своей группы, отождествление с ними и прославление их

71. Даже процессы, способствующие достижению конструктивных результатов внутри групп, такие как сотрудничество, лояльность, сплоченность и преданность, могут способствовать деструктивным результатам в отношениях между группами. Таким образом, наряду с принижением людей за пределами группы, внутригрупповая лояльность и патриотизм, например, ассоциируются как с готовностью подвергать пыткам подозреваемых в терроризме, так и с положительными психологическими результатами после совершения насильственных действий во время войны⁶⁴. Внутригрупповое прославление также связывается с поддержкой насильственного джихадизма, отрицанием неправомерных действий внутри группы и демонизацией жертв за пределами группы. Когда превосходство одной группы укоренилось в культуре, религии или экономике, общества часто внедряют широко распространяемые «иерархически легитимизирующие мифы», чтобы рационализировать плохое обращение и пренебрежение в отношении «подчиненной» группы⁶⁵.

c) Дискриминационное оправдание в условиях страха, угрозы и травмы

72. Как и другие виды психосоциальной динамики, групповая дискриминация усугубляется инстинктами выживания, которые пробуждаются из-за предполагаемой угрозы, травмы и страха, в результате чего группы могут стать психологически подготовленными к борьбе с соперничающими группами за физическое или культурное выживание, потенциально до смерти. Соответственно, население, находящееся в состоянии страха, травмы, тревоги или коллективного

⁶³ Emanuele Castano and Roger Giner-Sorolla, “Not quite human: inhumanization in response to collective responsibility for intergroup killing”, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 90, No. 5 (June 2006), pp. 804–818; Alison Sullivan and others, “The impact of unpunished hate crimes: when derogating the victim extends into derogating the group”, *Social Justice Research*, vol. 29, No. 3 (September 2016), pp. 310–330.

⁶⁴ Winnifred Louis, Catherine Amiot and Emma Thomas, “Collective harmdoing: developing the perspective of the perpetrator”, *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 21, No. 3 (August 2015), pp. 306–312; Robert Kraft, “The good intentions of violent perpetrators: a qualitative analysis of testimony from South Africa’s truth and reconciliation commission”, *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, vol. 21, No. 3 (2015), pp. 359–377.

⁶⁵ Bertjan Doosje, Annemarie Loseman and Kees van den Bos, “Determinants of radicalization of Islamic youth in the Netherlands: personal uncertainty, perceived injustice, and perceived group threat”, *Journal of Social Issues*, vol. 69, No. 3 (September 2013), pp. 586–604; Herbert Kelman, 2005; Bernhard Leidner and others, “Ingroup-glorification, moral-disengagement, and justice in the context of collective violence”, *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 36, No. 8 (August 2010), pp. 1,115–1,129.

недовольства, особенно склонно к дискриминационным злоупотреблениям, в том числе пыткам и жестокому обращению⁶⁶.

V. Выводы

73. В своем докладе Генеральной Ассамблее в 2018 году (A/73/207) Специальный докладчик с тревогой отметил, что пытки и жестокое обращение по-прежнему практикуются безнаказанно во всем мире. Столь значительное расхождение между абсолютным и не допускающим отступлений запретом пыток и жестокого обращения и общемировой самоуспокоенностью в отношении таких злоупотреблений не является единичным явлением, а свидетельствует о более общем разрыве между нормативными амбициями и государственной практикой в области защиты прав человека.

74. Спустя семьдесят пять лет после создания Организации Объединенных Наций это отрезвляющее наблюдение разоблачает системную неспособность современных механизмов государственного управления искоренить пытки и жестокое обращение, выполнить обещания, данные в Уставе Организации Объединенных Наций и во Всеобщей декларации прав человека, и реализовать амбиции Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

75. Коренной причиной этого системного бездействия государственного управления является не отсутствие опыта, ресурсов или нормативного консенсуса, не обобщенный злой умысел, а общие биопсихосоциальные факторы, которые определяли принятие человеком решений на протяжении всей истории, независимо от национальных, культурных, религиозных или других специфических влияний.

76. Вопреки презумпциям рациональности и морали, лежащим в основе современной государственности, большинство индивидуальных или коллективных решений: а) по-прежнему во многом основано на бессознательных эмоциональных импульсах; б) направлено на удовлетворение краткосрочных эгоистических интересов; и с) рационализируется в соответствии с преобладающими социальными ожиданиями только постфактум.

77. Это относится и к сложным коллективным процессам принятия решений, которые необходимы для обеспечения целостности и эффективности конституционных институтов и процедур, таких как политические выборы и назначения, судебный и административный надзор и освещение в независимых средствах массовой информации.

78. Человеческие эгоистические интересы имеют различные характерные аспекты, каждый из которых направлен на удовлетворение следующих основных биопсихосоциальных потребностей: а) самосохранение (потребность в безопасности и защищенности); б) самоопределение (потребность в автономии и контроле); в) самоутверждение (потребность в самоуважении и достоинстве); г) самооправдание (потребность в справедливости); и е) удовлетворение личных стремлений (потребность в вознаграждении и стимулировании).

⁶⁶ Eva Jonas and Immo Fritsche, "Destined to die but not to wage war: how existential threat can contribute to escalation or de-escalation of violent intergroup conflict", *American Psychologist*, vol. 68, No. 7 (October 2013), pp. 543–558; Omar Shahabudin McDoom, "The psychology of threat in intergroup conflict: emotions, rationality, and opportunity in the Rwanda genocide", *International security*, vol. 37, No. 2 (2012), pp. 119–155.

79. Однако когда предполагаемый эгоистический интерес искажается из-за чрезмерного страха, патологической дисфункции или травмирующего опыта, он может спровоцировать такое отношение и поведение, которое способствует серьезным нарушениям прав человека, в том числе пыткам и жестокому обращению.

80. Когда эгоистичное принятие решений приводит к пыткам и жестокому обращению, как виновные, так и свидетели склонны подавлять возникающую в результате этого моральную дилемму за счет в значительной степени бессознательных, направленных на самообман моделей «морального отстранения», а именно: а) отрицание факта (умышленное неведение); b) отрицание ответственности (распыление или перекладывание ответственности); и c) отрицание противоправности деяния (банализация, оправдание на основании соображений необходимости или дискриминационное оправдание).

81. Идеи морального отстранения ни в коем случае не могут оправдывать пытки или жестокое обращение с юридической точки зрения. Однако в качестве психосоциальных моделей самообмана они серьезно подрывают способность и готовность политических лидеров, судей, должностных лиц, средств массовой информации и широкой общественности правильно воспринимать сообщения о пытках или жестоком обращении и принимать меры в связи с ними. Из-за незначительного или серьезного искажения восприятия реальности моральное отстранение может нейтрализовать даже сложные нормативные и институциональные рамочные механизмы по предупреждению и преследованию пыток и жестокого обращения, что и порождает сегодняшнюю распространенность самоуспокоенности и безнаказанности во всем мире, которые зачастую дополнительно усугубляются с помощью запугивания и репрессий.

82. В ходе своего официального диалога с государствами в связи с конкретными озабоченностями или утверждениями о пытках или жестоком обращении Специальный докладчик регулярно сталкивается со всеми формами морального отстранения, описанными в настоящем докладе. На практике преобладающей реакцией государств на официальные сообщения, передаваемые Специальным докладчиком, является отрицание фактов, даже перед лицом убедительных доказательств. В тех случаях, когда невозможно отрицать факт применения пыток или жестокого обращения, государства, как правило, отрицают либо свою ответственность, либо противоправность их предполагаемого поведения. Вызывает сожаление тот факт, что подлинное участие в конструктивном, предметном и транспарентном диалоге, направленном на обеспечение полного и эффективного соблюдения запрета на пытки и жестокое обращение, все еще остается исключением, а не правилом.

83. Врожденная предрасположенность человека к принятию направленных на самообман моделей отрицания является не отклонением, а общим биопсихосоциальным фактом, лишенным нравственных коннотаций. Как таковую эту предрасположенность нельзя изменить, но ее следует в полной мере признавать и надлежащим образом управлять ею. До тех пор, пока современные системы государственного управления не научатся эффективно смягчать пагубные последствия действия таких моделей, не будет никаких реальных перспектив для искоренения во всем мире пыток и жестокого обращения, как это провозглашено во Всеобщей декларации прав человека, или для полной реализации Устава Организации Объединенных Наций и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

VI. Рекомендации

84. Для достижения целей Всеобщей декларации прав человека, включая искоренение пыток и жестокого обращения, Специальный докладчик рекомендует учитывать изложенные выше научно обоснованные выводы настоящего доклада в рамках текущих процессов стратегического реформирования глобального управления, включая Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и, прежде всего, содержащуюся в ней цель 16, направленную на построение «миролюбивого и открытого общества», которое обеспечивает «доступ к правосудию для всех» и «создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях».

85. В соответствии с современными научными выводами государства должны признать, что все люди, будь то правительственные должностные лица, представители средств массовой информации или широкая общественность, имеют врожденную тенденцию к подавлению моральных дилемм и другой нежелательной информации посредством во многом бессознательных процессов самообмана и отрицания.

86. В силу бессознательного и убедительного характера таких процессов и их усиления за счет мощной групповой и оправдывающей систему динамики, которая преобладает во всех культурах и всех сегментах общества, эти тенденции невозможно эффективно смягчить посредством институционального самоконтроля; для этого требуется систематический внешний надзор как на национальном, так и на международном уровне с помощью независимых механизмов мониторинга.

87. На национальном уровне все государства должны принимать жесткие меры для смягчения общих тенденций отрицания во всех политических, административных, судебных и законодательных процессах принятия решений. В частности:

а) что касается транспарентности, то государствам следует в принципе отменить любое сокрытие или засекречивание исполнительных, административных, судебных или законодательных процедур, переговоров и решений. Засекречивание информации, представляющей общественный интерес, по соображениям национальной безопасности, охраны правопорядка, защиты данных и личной жизни должно применяться в порядке исключения и ограниченно, должно исключать любые формы иммунитета или безнаказанности и в каждом случае предусматривать позитивное обоснование и независимую внешнюю проверку (например, через омбудсменов);

б) что касается подотчетности, то государствам следует гарантировать оперативное, независимое, беспристрастное и транспарентное расследование предполагаемых правонарушений любых лиц, действующих от имени государственных органов. Любые правонарушения должностных лиц, включая преступное непринятие мер по предотвращению, расследованию или наказанию за правонарушения действия в рамках их полномочий, должны влечь за собой соразмерные санкции и полное возмещение ущерба пострадавшим сторонам;

с) что касается средств массовой информации, то государствам следует обеспечить, чтобы средства массовой информации могли свободно и эффективно действовать в качестве «четвертой власти», наделяя общественность правами и возможностями и подвергая органы власти

систематическому контролю, будучи независимыми от политического, экономического или корпоративного влияния;

d) что касается гражданского общества, то государствам следует поощрять активное и разнообразное гражданское общество и предоставлять платформы и процедуры, с помощью которых органы государственной власти могут эффективно принимать и рассматривать вызывающие озабоченность вопросы, высказываемые правозащитниками;

e) что касается защиты, то государствам следует поощрять и защищать такую деятельность, как проведение журналистских расследований, сигнализирование о нарушениях и независимую правозащитную деятельность в качестве важных функций общества, направленных на предотвращение злоупотребления властью и коррупции, и защищать такую деятельность от любых видов репрессий, запугиваний и криминализации;

f) что касается системной добросовестности, то государствам следует отменить нынешнее повсеместное смешение частных и государственных интересов и другие конфликты интересов, подрывающие демократию и верховенство права, включая финансирование кампаний частным сектором, лоббирование в парламентах и широкомасштабную приватизацию важных государственных функций.

88. На международном уровне государства должны в полной мере сотрудничать с международными механизмами по защите прав человека. В своих диалогах с такими механизмами государствам следует придерживаться самых высоких стандартов самопроверки и отвечать на все полученные запросы с необходимыми подробностями, сознательно избегая преобладающих тенденций к отрицанию, описанных в настоящем докладе, и воздерживаясь от любых угрожающих, агрессивных или пренебрежительных реакций или других действий или бездействия, саботирующих целостность, независимость и эффективность этих механизмов.